

К. И. ШНЕЙДЕР

ИНДИВИДУАЛИЗМ И СОБСТВЕННОСТЬ В МИРОВОЗЗРЕНИИ РАННИХ РУССКИХ ЛИБЕРАЛОВ

Автор рассматривает различные коннотации понятий «индивидуализм» и «собственность» в аксиологическом лексиконе ранних русских либералов, обращая особое внимание на особенности отечественной раннелиберальной концепции и ее основных ее теоретических постулатов. В статье предпринимается попытка обосновать использование концепции «социального пространства» П. Бурдьё в качестве методологии изучения феномена раннего русского либерализма.

Ключевые слова: индивидуализм, собственность, ранний русский либерализм.

Пережив очевидный всплеск профессионального интереса в середине – второй половине 1990-х гг., тема российского либерального наследия существенно сократила свою экспертную аудиторию и стала малоперспективной не без влияния политической ситуации в стране в целом. Поэтому в настоящее время реальные дискуссии по ней ведутся лишь в узком круге «заклятых либераловедов». Между тем по многим вопросам и, в частности, в отношении проблемы генезиса национальной либеральной традиции и поныне существуют диаметрально противоположные научные версии. Наиболее интересна гипотеза о появлении раннего русского либерализма во второй половине 1850-х – первой половине 1860-х гг., благодаря концептуальным работам К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина, учеников и последователей Т. Н. Грановского. Активное участие в формировании либерального дискурса приняли также П. В. Анненков, И. К. Бабст, В. П. Боткин, А. В. Дружинин, Е. Ф. Корш, успешно разрабатывавшие экономические, социокультурные и эстетические каноны национального либерализма¹.

Методологическим основанием интерпретации истории раннего русского либерализма может служить социологическая теория «социального пространства» П. Бурдьё². В данном случае речь идет о поле производства идей, которое имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, это сфера конкуренции, где агенты борются за символический капитал, позволяющий в случае успеха навязывать собственные представления другим участникам состязания. Во-вторых, это область столкновения различных групп влияния за право апеллировать к власти

---

¹ Шнейдер. 2009. Т. XVI. С. 234–242.

² Бурдьё. 2005.

и доминирующие позиции в определении исторического маршрута социума. В-третьих, это рынок интеллектуальных услуг с его сложной структурой печатного производства, цензуры, читательского спроса и предложения, рецензирования и продвижения определенных «нормативных» моделей, стильных мейнстримов и модных андеграундов.

Ранний русский либерализм формировался в неоднородной интеллектуальной среде, в условиях постоянного диалога со своими близкими и дальними оппонентами. С самого начала одной из его структурных особенностей являлось наличие как минимум двух течений, конкурировавших между собой за право выражать национальную либеральную аутентичность – «народническое» Кавелина и «охранительное» Чичерина. Соперничество усиливалось не только под влиянием различий в понимании отечественной исторической традиции, но и нюансов восприятия европейского прошлого в целом и достижений западного либерализма, в частности. За столкновением мнений нельзя не увидеть стремления игроков удовлетворить личные амбиции в борьбе за символическое первенство в либеральной среде на рубеже 1850–1860-х гг.

Не меньшей релевантностью для объяснения феномена раннего русского либерализма обладают дискуссии его представителей с радикальными и консервативными критиками. Накануне Великих реформ в поле производства идей несложно заметить открытую конкуренцию между основными направлениями отечественной общественной мысли в процессе социального конструирования модели ближайшего национального будущего. Основной площадкой развернувшейся полемики стала периодическая печать, а главным призом – участие в подготовительном этапе предстоящих преобразований в качестве экспертов и разработчиков. Необходимо отметить, что впервые либералам удалось опередить своих соперников и на некоторое время занять доминирующие позиции в ближнем круге советников самодержавия.

Одновременно интерес исследователя невольно концентрируется на имплицитно разном, порой непоследовательном восприятии либералами своих оппонентов. Достаточно вспомнить раскол в либеральной среде, вызванный гневным посланием Чичерина А. И. Герцену в 1858 г., когда Кавелин, поддержанный Анненковым и Бабстом, в резкой форме не согласился с его тоном и содержанием. Вместе с тем несколькими годами ранее именно Кавелин вместе с Чичериным в знаменитом «Письме к издателю» убедительно критиковали Герцена за тот же самый радикализм. Хорошо известна и дискуссия о преимуществах и недостатках централизации власти, также разведшая по разные стороны Чичерина и Кавелина. Наконец, никто из специалистов не будет оспа-

ривать очевидную эволюцию взглядов Кавелина в сторону славянофильства, нехарактерную для Чичерина. В данном случае можно говорить о разных габитусах отцов-основателей русской либеральной традиции как о результате индивидуального социокультурного опыта проживания и самоидентификации в либеральном интеллектуальном пространстве. Не исключено, что громкий разрыв Чичерина с Герценом воспринимался Кавелиным в качестве несанкционированного вторжения в распределение мест в либеральной иерархии.

Изучение феномена раннего русского либерализма невозможно без учета специфики того поля производства идей, в котором он формировался. В этом социальном пространстве сосуществовали рынок издательских услуг, рынок интеллектуальных услуг и цензура, претендовавшая на роль внешнего регулятора и модератора процессов развития отечественной общественной мысли. Содержание и ход дискуссии в либеральной среде часто коррелировались с личной позицией редактора периодического издания, дававшего наряду с цензором санкцию на публикацию материалов, что могло вызвать конфликт с автором: вспомним отказ в 1857 г. М. Н. Каткова, редактора «Русского вестника», поддержанный частью либерального сообщества, напечатать статью Чичерина о преимуществах централизации власти. Скорее всего, подобное решение было продиктовано не только несогласием шефа либерального журнала с рассуждениями Чичерина, но и временной конъюнктурой конца 1850-х гг. в канун Великих реформ. Показательна и судьба «Атеней» (1858–1859 гг.), другого либерального издания, созданного группой единомышленников, но по разным причинам не вписавшегося в узкие границы рынка периодической печати середины века.

Таким образом, «социальное пространство» П. Бурдые как функциональная интерпретационная схема релевантна для исследования феномена раннего либерализма. Важно учитывать глубокие размышления ее автора: «Эффекты, порождаемые внутри полей, не являются ни простой суммой анархических действий, ни общим результатом согласованного плана. Конкуренция, продуктом которой они являются, осуществляется внутри пространства, способного передать ей свои основные тенденции, вытекающие из постулатов, вписанных в саму структуру игры и представляющих собой ее фундаментальный закон...»³.

Индивидуализм и право собственности традиционно занимали ведущее место среди классических ценностей западного либерального мировосприятия. В самом общем виде отечественные либералы среди-

---

³ Бурдые. 2005. С. 120.

ны XIX в. полностью разделяли канонические взгляды своих европейских наставников, пытаясь максимально адаптировать их к национальным условиям. Вместе с тем, российский раннелиберальный дискурс обладал солидной толикой внутренней противоречивости. Это несложно продемонстрировать на примере анализа разнообразных либеральных коннотаций квинтэссенции индивидуализма.

Вряд ли кто-то из ранних русских либералов стал бы оспаривать идеи самоценности личности, ее высокого исторического призвания и уникальности. Более того, каждый из них мог написать вслед за Кавелиным: «...личность есть единственная плодоносная почва всякого нравственного развития, условие, без которого оно немислимо, альфа и омега всемирной истории; ибо личностью история создана и для личности переходит в разнообразные фазисы, представляя постепенное, более и более многостороннее развитие всех возможностей и сторон двойственной, сложной природы человека»⁴. Либералы наделяли индивида силой и способностями демиурга социальной истории, а его внутренний мир объявляли высшим достижением «мастерской природы». Вместе с тем, их представления о содержании и границах самого понятия не были идентичными. Если Кавелин и Чичерин обращали пристальное внимание на общественно-политическую и экономическую составляющую, то Анненков, Боткин и Дружинин артикулировали социокультурное начало в индивидуализме. В либеральном сегменте поля производства идей в середине XIX в. личность закономерно оказалась основным объектом конкуренции за символический капитал. Разработка нюансов индивидуального естественным образом приводила к лидерству того или иного мыслителя в круге «значимых других» единомышленников.

Еще Грановский утверждал право индивида на самостоятельную и даже определяющую роль в историческом развитии. Он считал: «Такого правильного, определенного развития нет в истории. Ей дан закон, которого исполнение неизбежно, но срок исполнения не сказан – десять лет или десять веков, все равно. Закон стоит как цель, к которой неудержимо идет человечество; но ему нет дела до того, какой дорогой оно идет, и много ли потратит времени на пути. Здесь-то вступает во все права свои отдельная личность. Здесь лицо выступает не как орудие, а самостоятельно, поборником или противником исторического закона, и принимает на себя, по праву, ответственность за целые ряды им вызванных или задержанных событий»⁵.

---

⁴ ОР РГБ. Кавелин. Л. 18–18об.

⁵ Грановский. 1905. Т. 1. С. 206.

Кавелин вслед за Грановским также исповедовал веру в креативные способности индивида, настаивая на его неограниченных творческих возможностях и телеологическом предназначении в истории. Несколько другую версию предлагал Чичерин, для которого личность не имела широкой политической автономии и в идеале должна была обеспечивать успех государственного развития. Этатизм являлся своеобразной константой в восприятии Чичериным сущности индивидуализма, в котором «личное начало должно подчиняться общественному; это – необходимое основание и условие всякого общежития; на этом зиждется весь нравственный мир человека. Отдельное лицо может видеть истину лучше целого народа, но оно не имеет права действовать во имя убеждений, разрушительных для существующего устройства»⁶. Вместе с тем, размышляя о природе общественного и его социальном доминировании в человеческой истории, он видел перспективу диалектической связи частного интереса и коллективной пользы. Чичерин утверждал: «Общества людей – не стада бессловесных животных, которые веряются попечению пастуха до тех пор, пока не поступают на убой. Цель человеческих союзов – благо членов, а не польза хозяина. Власть над свободными гражданами дает пастырям народов то высокое достоинство, перед которым с уважением склоняются люди, и нет краше, нет святее этого призвания на земле, нет ничего, что бы могло наполнить сердце человека таким чувством гордости обязанности»⁷. Кроме того, он умел различать понятия власти и общества, отдавая на откуп частным интересам гражданскую часть социума в противовес политической.

Чичерин вышел за традиционные для раннего либерализма рамки просвещенческого образа личности, наполненного безграничным прогрессизмом, и активно его демифологизировал. Он напрямую связывал ценность индивидуального в политике с функциональной деятельностью личности по обустройству общественной и государственной сферы. Чичерин акцентировал идею объективной несвободы человека, принимающего управленческое решение, от которого зависит будущее того или иного народа. В такой ситуации политический индивидуализм превращался в тонкое искусство выбора адекватных историческому времени средств, игравших даже более важную роль по сравнению с конечной целью. «Политический деятель имеет в виду не только цель, но и средства. Зрелое обсуждение последних, точное соображение обстоятельств, избрание наилучшего пути при известном положении дел,

---

⁶ Чичерин. 1899. С. 718.

⁷ Чичерин. 1862. С. 187.

– вот в чем состоит его задача, и ей он отличается от мыслителя, изучающего общий ход Истории, и от художника, наблюдающего движение человеческих страстей»⁸, – настаивал Чичерин. Таким образом, идеальный тип политического индивидуализма Кавелина в основном опирался на абстрактные философские каноны и риторику эпохи Просвещения, тогда как Чичерин попытался максимально прагматически адаптировать постулаты концепции «просвещенного абсолютизма» к российским условиям, увязав процесс правовой эмансипации личности с постепенными реформами верховной власти и зрелостью общества.

«Второй эшелон» раннего русского либерализма в значительной степени представлен писателями, литературными критиками, эссеистами, публицистами. У Анненкова, Боткина и Дружинина образ индивидуального насыщен романтическими коннотациями, социокультурной динамикой, сдержанным историческим оптимизмом, национальным и космополитическим содержанием. Они стремились погрузиться в водоворот человеческих страстей в пику актуальным общественно значимым проблемам и считали, что: «... самое счастливое (в политическом отношении) общество не в состоянии дать полного счастья на частную жизнь каждого из своих членов – точно так же, как общество политически страждущее, никак еще не превращает отдельных его составляющих личностей – в собрание страдальцев, невежд или преступников»⁹.

Интерес либералов был обращен к самому человеку со всеми его природными особенностями и гигантским разнообразием их социальных проявлений. Во главу угла ставилась идея уникальности индивида с его неповторимым миром внутренних переживаний. «Личность никак не может быть одинакова. До сих пор я еще не находил ни одного человека, который похож был бы не только на другого, но даже на собственный портрет: так всегда капризна и неуловима казалась мне каждая личность...»¹⁰, – утверждал Анненков.

Социокультурный оптимизм ранних русских либералов детерминировался в значительной степени временным фактором, а именно состоянием европейской цивилизации в постсредневековый период. В своем лексическом самовыражении либералы нередко прибегали к использованию темпоральных характеристик, таких как «новый мир», которым обозначался современный этап человеческой истории. Они искренне верили в почти безграничные возможности настоящего и бу-

---

⁸ Барсуков. 1901. Кн. 15. С. 252.

⁹ Дружинин. 1983. С. 221.

¹⁰ Анненков. 1877. Отдел первый. С. 2.

дущего развития сложной внутренней структуры личности, ее самопознания и самоидентификации. Либералы акцентировали внимание на достижениях индивидуалистического мировосприятия, когда общее все чаще уступало место частному. В «новом мире» личность получила исторический шанс на превращение в микрокосм, так как здесь человек впервые «вступает в свои человеческие права; в новом мире перестает он быть представителем лишь всеобщих нравственных сил. Здесь он сам становится собственным своим миром; в его внутреннем чувстве пребывает солнце его жизни»¹¹. Эти пафосные и несколько наивные слова молодого Боткина, написанные в пору знаменитой дискуссии западников и славянофилов, отражали стремление части будущих основоположников русской либеральной традиции сформулировать идеал личности, свободной от давления внешних обстоятельств и погруженной в самое себя. Поистине гимном звучат его слова о романтической любви: «...индивидуальный человек, сливаясь с другим индивидуальным, достигает высшей ступени личности. Любовь есть первое откровение той связи, которая соединяет всеобщую нравственную и духовную жизнь с определенной индивидуальностью»¹².

Боткин нередко обращался к вечной теме любви, особенностям взаимоотношения полов, к средствам воспитания индивидуального вкуса. Поразительно актуально звучат слова: «Если же мужчине позорно быть самцом, на том основании, что он человек, а не животное, то и женщине позорно быть самкою на том основании, что она – человек, а не животное. Ограничить же круг ее деятельности скромностью и невинностью в состоянии девическом, спальней и кухней в состоянии замужества (как это было в средние века) – не значит ли это лишить ее прав человека, и из женщины сделать самкой? Но, скажут нам: женщина – мать, а назначение матери свято и высоко – она воспитательница детей своих. Прекрасно! Но ведь воспитывать не значит только выкармливать и вынянчивать (первое может сделать корова или коза, а второе нянька), но и дать направление сердцу и уму, – а для этого разве не нужно, со стороны матери, характера, науки, развития, доступности ко всем человеческим интересам?...»¹³.

Автор этих размышлений настаивал на безусловном равноправии полов в процессе активного познания окружающего мира, доминирования социального над биологическим в индивиде как определяющем

---

¹¹ *Боткин*. 1984. С. 114.

¹² Там же.

¹³ *Боткин*. 1893. Т. 3. С. 149.

векторе прогрессивного развития социума. В конечном счете, Боткин, так и не став впоследствии центральной фигурой в либеральной среде, все же приобрел значительный символический капитал благодаря разработке эстетики национальной модели либерализма. Для него статус профессионального эксперта в социокультурной сфере являлся необходимым условием успешной конкурентной борьбы, как за пределами, так и внутри либерального сообщества, наряду с потребностью преодолеть «проклятие» купеческого происхождения и стать своим в кругу «значимых других» отечественных интеллектуалов.

Представители «второго эшелона» удачно дополняли классиков – Кавелина и Чичерина. Кредо Анненкова, Боткина и Дружинина – интерпретация интимного и чувственного в индивидуализме, когда многое часто не поддается логическому объяснению. Здесь царит атмосфера ощущений, полутонов, своеобразия которых можно постичь исключительно через свой собственный, неповторимый опыт. «Эстетствующие» либералы в разное время серьезно увлекались романтизмом и идеями «чистого искусства», одухотворявшими, по их мнению, личность. Анненков считал, что начиная с эпохи Александра I романтизм «послужил, прежде всего, возвышению отдельной личности, давая ей право говорить о себе, как о предмете первостепенной важности, и уполномочивая ее противопоставлять свои нужды, страдания и требования, даже заблуждения и ошибки всяким, так называемым, высшим интересам и представлениям. Исповедь личности получила интерес политического дела, но под одним условием, чтобы исповедь эта находила сочувственные струны в сердцах других людей и отражала собственную их историю душевных страданий, стремлений и надежд»¹⁴.

Романтизм, традиционно насыщенный консервативными коннотациями, соблазнял ранних русских либералов призывом к внутренней свободе, контроверзой общего и частного, разрывом с безликой и примитивной действительностью. При этом они предупреждали против искусственного и пагубного ухода индивида в сферу исключительно личных переживаний. Кроме того, либералы понимали всю разницу между европейским романтическим трендом и его отечественной копией. Если на Западе романтизм был ярким воспоминанием, облаченным в литературную форму, разочарованием, сложным процессом исторической саморефлексии, то в России – скорее средством к пробуждению социального интереса просвещенной части общества и модным жанром литературы, наполненным исповедальными мотивами.

---

¹⁴ Анненков. 1874. С. 225–226.

Не менее позитивно либералы «второго ряда» относились к социальным функциям «чистого искусства», которое «медленно, неуклонно, верно совершает... свою всемирную задачу и, переходя от поколения к поколению, силой своею просветляя внутренний организм человекoв, – ведет к изменениям во временной и частной жизни общества»¹⁵. Важно отметить контрдидактические интенции либеральных апологетов «чистого искусства», ориентированных на преодоление таких стереотипов, как собирательный образ «положительной» личности, канонические требования к поведению человека и его мироощущению, рационализация индивидуальных реакций на окружающий мир.

Все это вызывало у части либерального сообщества резкую критику, которая приобретала иногда весьма поэтические формы. «Как не сжимайте вы сферу чувств человека, как ни подводите вы его понятия в ряд сухих формул – пока у этого двуногого животного без перьев имеется орган, называемый сердцем, пока у него есть мозг и нервы, и кровь, имеющая способность приливать к сердцу, – вы его не удовлетворите одним узким кодексом так называемой положительности. Идеальность требований душевных может быть смешна, если ее довести до фальшивого; но едва ли не смешнее в человеке фальшивая положительность, исключаящая собою все сердечные движения, делающая всю нашу жизнь однообразным переходом по избитой тропинке»¹⁶, – утверждал отечественный классик «чистого искусства» Дружинин.

В середине XIX в. романтизм и теоретические положения «чистого искусства» позволили Анненкову, Боткину и Дружинину выйти уже на границы либерального поля производства идей. Это было связано с естественным маргинальным состоянием еще только формировавшегося раннего русского либерализма, в узком интеллектуальном пространстве которого индивидуальные габитусы «эстетствующих» мыслителей конкурировали между собой за право обладания наиболее точной и оригинальной интерпретацией социокультурных либеральных ценностей. Неудивительно, что в их риторике 1840–1850-х гг. можно заметить неприятие догматического прогрессизма, удручающей повседневной нормативности буржуазного общества, дидактики концептуального арсенала европейского Просвещения и апологию эгоцентризма.

Вместе с тем, все это ни в коей мере не приводило к радикальному разрыву с либерализмом и должно быть отнесено, скорее всего, на счет особенностей и болезни роста отечественной либеральной традиции.

---

¹⁵ Дружинин. 1988. С. 267.

¹⁶ Там же. С. 340–341.

«Прощая» Кавелину увлечение славянофильством, а Чичерину его этатизм, мы не вправе лишать Анненкова, Боткина и Дружинина своеобразной «прописки» в русском либеральном сообществе «первой волны», в котором сосуществовали элитистские интерпретации индивидуализма и эгалитарные представления о природе личности.

В целом, индивидуализм являлся одной из системообразующих категорий в аксиологии отечественного либерализма середины XIX века. Совершенно очевидно, что имевшие место разногласия в трактовке феномена индивидуального в либеральной среде не выходили за рамки персональных различий в восприятии классической европейской традиции. Однако их не следует игнорировать. Возможно, все дело во временном факторе, так как на рубеже 1850–1860-х гг. в поле производства идей наиболее заметные интеллектуальные достижения были связаны с подготовкой либеральной программы Великих реформ и разработкой национальной модели либерализма. Таким образом, общественная атмосфера накануне преобразований в значительной степени детерминировала конкурентную борьбу за авторство самого удачного либерального проекта, в котором соединились бы западная теоретическая мысль и все своеобразие российской действительности. Данное обстоятельство может объяснить не только оригинальность многих размышлений ранних русских либералов, но нередко весьма умеренный характер их программных заявлений. В преддверии Великих реформ в России самодержавная либерализация общественной мысли стала прямым вызовом для либералов, что требовало адекватного ответа.

Другим краеугольным камнем концепции раннего русского либерализма следует считать положение и социальном измерении права собственности, которое не вызывало серьезных споров. Вряд ли кто-либо из либералов захотел бы оспорить слова Кавелина: «Как бы общественная жизнь ни была идеально устроена, с какою бы строгою справедливостью и беспристрастием ни распределялись вещественные, материальные блага между людьми, с какою бы нежною заботливостью ни пеклось общество после умершего об оставшихся в живых, дорогих ему лицах, – все это никогда не заменит права собственности, права оставлять наследство частным лицам, потому что в этих двух правах выражается свобода человека, которая ему так дорога, без которой он становится животным, а общество человеческое – стадом баранов»¹⁷.

Неравенство, как и свобода, по мнению ранних русских либералов, сопровождали человека с момента его рождения. Но если по поводу

---

¹⁷ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 113.

свободы у них, все же, существовали определенные сомнения, связанные с изначальной и непреодолимой принадлежностью индивида к конкретной социальной среде с уже заданным «жизненным уставом», то идею многочисленных различий между людьми разделяли все. Обсуждая любые общественно значимые вопросы, либералы настаивали на несхожести и неравенстве человека по рождению. «Люди по физической природе, по умственным и другим своим способностям, неравны между собою со дня рождения. Из этого прирожденного неравенства вытекает и неравенство внешней их деятельности; одни предприимчивы, изобретательны, неутомимы, другие нет; одни делают много, скоро, хорошо; другие мало, медленно и плохо»¹⁸, – утверждал Кавелин.

Таким образом, отцы-основатели отечественной либеральной традиции артикулировали идею прирожденного неравенства индивидов, напрямую связывая это положение с представлениями о свободе и собственности. Для ранних русских либералов, как и для многих западных теоретиков либерализма, особенно его аристократической версии, распространение эгалитаризма неизбежно приводило к непримиримому столкновению с идеалами свободной экономической и социальной конкуренции, жизненного успеха личности и создавало реальную угрозу праву наследования имущества – одной из главных причин неравенства в социуме. Поэтому содержание понятия равенства они больше увязывали с правильной политикой государственной власти, обязанной создать по возможности любому человеку все необходимые условия для самореализации и не препятствовать ему в достижении цели.

Кроме того, ранние русские либералы, вслед за многими европейскими либеральными мыслителями, ограничивали политические права граждан имущественным цензом. В частности, они разделяли мнение классика французского либерализма Б. Констана о том, что «владелец дохода, достаточного, чтобы существовать независимо от чужой воли, может иметь гражданские права»¹⁹, так как только собственность обеспечивает человеку свободное время для приобретения необходимых знаний и занятия политикой. Известный франкофил Чичерин буквально вторил Констану, заявляя: «Поэтому собственность, в общем итоге, служит лучшим мерилем политической способности»²⁰. В итоге, именно с рассуждениями о равенстве/неравенстве и свободе русские либералы середины XIX в. соединяли свои представления о собственности.

---

¹⁸ Там же. С. 112.

¹⁹ Классический французский либерализм... 2000. С. 79–80.

²⁰ Чичерин. 1899. С. 16.

Итак, в раннелиберальном дискурсе господствовало мнение о закономерности неравенства в обществе, которое сопровождает индивида всю жизнь, начиная с момента рождения. Вначале это связано с правом наследования имущества, созданного предшествующими поколениями семьи и обеспечивающего человеку определенные статусные позиции и потенциальные возможности уже при появлении на свет. Данное право ранние русские либералы объявляли не только священным и неприкосновенным, но и лучшей гарантией плодотворного развития всего общественного организма. Ведь материальная независимость «дает средства к более тщательному воспитанию с малолетства, а оно пробуждает и изодряет ум, развивает таланты, укрепляет хорошие природные склонности и подавляет в зародыше дурные, словом, вызывает к деятельности все душевные и нравственные силы, которые при отсутствии воспитания и при тяжких заботах с самой юности о существовании, остаются неразвитыми, глоснут, грубеют и наконец замирают в массах людей, не имеющих собственности и живущих трудом»²¹.

Исторически возникновение собственности русские либералы середины XIX века связывали с формированием личности как результата внутреннего развития племенных сообществ и осознания индивидом своих частных интересов. В дальнейшем залогом успешного расширения системы частной собственности они способность личности к постоянному обновлению поля деятельности и преодолению силы коллективных традиций. «Чем более развивается личность, тем шире становится круг ее действий, тем свободнее делается собственность. Полное освобождение частной собственности из единства родового владения является уже плодом долгого и медленного исторического процесса»²², – полагал Чичерин, изучив длительный опыт существования сельской общины в России. Отечественные либералы не забывали подчеркивать не метафизическую, а исключительно диалектическую связь сосуществования свободы, собственности и неравенства.

В раннем русском либерализме обсуждались разные виды собственности, о чем нередко писали Бабст, Боткин, Кавелин и Чичерин, но преимущество по вполне понятным причинам отдавалось земельным вопросам. Этот выбор был продиктован не столько принадлежностью большинства либералов к сословию дворян-землевладельцев, сколько актуальностью проблемы поземельных отношений накануне и в период проведения Великих реформ. Для всех либеральных мыслителей круга

---

²¹ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 113.

²² Чичерин. 1858. С. 5.

Кавелина-Чичерина крепостное право и дореформенное состояние системы земельной собственности являлись прямым вызовом ближайшему будущему страны, отчего рождалось острое желание как можно быстрее начать преобразования в этой сфере. Вместе с тем, именно в полемике об идеальном устройстве деревни и многочисленного крестьянского населения либеральная среда не отличалась единомыслием.

Не вдаваясь в нюансы обсуждения аграрного вопроса в раннем русском либерализме, необходимо отметить два основных подхода к решению проблемы перспективного обустройства земельной собственности в России. Первый представлял Кавелин, который всерьез был обеспокоен социальными последствиями предстоящей модернизации в сельском хозяйстве в канун Великих реформ. В частности, он обращал внимание на отрицательные последствия безграничного господства личной собственности. Признавая очевидные результаты распространения частных интересов в экономике, Кавелин предупреждал: «Где только личная собственность господствует исключительно, там, рано или поздно, непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги, против которых доселе оставались бессильными все средства, – недуги, которые развиваются неудержимо, питаются и поддерживаясь сами собой»²³. Одновременно он ни в коей мере не ставил под сомнение сакральный характер существования самого института собственности в России. Он искал варианты смягчения неизбежного процесса социальной дифференциации в обществе в период раскрепощения крестьян и культивирования ценностей рыночной экономики в деревне. В итоге, Кавелин лоббировал идею сосуществования разнообразных форм собственности в сельском хозяйстве с его многомиллионным населением. Сохранение общинных порядков наряду с развитием частного интереса казалось ему панацеей от пролетаризации огромной крестьянской массы и разорения дворянства.

Иной версии придерживался Чичерин. Он был близок к сторонникам классического экономического либерализма манчестерского типа. По мнению Чичерина только свобода поземельной собственности может гарантировать успешное развитие экономики российского государства. В преддверии крестьянской реформы он утверждал, что цель «к которой мы должны стремиться при отмене крепостного права, есть свобода лица, подчиняющаяся единственно государственной власти, и свобода поземельной собственности»²⁴. Таким образом, свобода лично-

²³ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 177–178.

²⁴ ОР РГБ. Чичерин. Л. 10–11.

сти закономерно предполагала самые широкие возможности распоряжения своим имуществом. Чичерин тратил намного больше интеллектуальных усилий на доказательство необходимости политической лояльности человека государству, оставаясь апологетом экономической свободы и права собственности, не стесненного общинными институтами или запретительными мерами. Вместе с тем, Чичерин прекрасно осознавал серьезные трудности переходного периода в национальных условиях. «Что касается до нашего отечества, то нам вообще говоря, до улучшенного фермерского хозяйства еще далеко, а между тем целая масса бедного народонаселения, пущенная на волю без земли и осужденная питаться ежедневным трудом, без сомнения впадет в самое бедственное положение»²⁵, – писал Чичерин, солидаризируясь с мнением Кавелина. Более того, он не отрицал вероятности сохранения на переходном этапе некоторых ограничений, таких как, регулирование крестьянской мобильности, обязательные отработки, но исключительно в качестве вынужденных и временных мероприятий, рассчитанных на постепенное укоренение основ системы свободной земельной собственности. Сохранение общинных порядков Чичерин однозначно отвергал, акцентируя внимание на неизбежности крестьянского выкупа земли.

Разницу в подходах двух главных теоретиков раннего русского либерализма в данном случае объяснить не так уж просто. С одной стороны, хорошо известно толерантное отношение Кавелина ко многим идеям славянофилов, среди которых была и апелляция к якобы спасительным для России общинным институтам. Одновременно всем знаком последовательный экономический либерализм Чичерина, часто спасавший его от обвинений в принадлежности к консервативному кругу мыслителей. С другой стороны, не в последнюю очередь, позиция Кавелина связана с тем местом, которое он занимал в отечественном либеральном сообществе середины XIX столетия. В силу уже имеющегося среди коллег авторитета ему принадлежало практически монопольное право на интерпретацию многих исторических, социально-экономических и политических сюжетов программы формировавшегося русского либерализма, с чем вряд ли мог согласиться Чичерин.

Персональные габитусы ключевых фигур в отечественной либеральной мысли середины XIX в. определяли возможности каждого в создании оригинального авторского проекта либерализации страны в национальных условиях. Смещение позиции землевладельца и либерального эксперта в крестьянском вопросе, признанного всей интеллек-

---

²⁵ Там же. Л. 9.

туальной средой своего времени, породило очевидное своеобразие взглядов Кавелина в непростом деле реформирования системы земельной собственности. В свою очередь Чичерин, отвергавший архаичные институты и устаревшие рецепты перспективного экономического развития России, предлагал консервативную методiku политического обновления исключительно с позиции собственника. Например, он открыто заявлял о недопустимости расширения политических прав в пользу неимущих. В «устранении бедности от политических прав нет ничего возмутительного для нравственного чувства»²⁶, – считал один из столпов отечественной либеральной мысли середины XIX века.

Таким образом, за очевидными объяснительными схемами идейной неоднородности раннего русского либерализма нельзя не увидеть ролевую конкуренцию основных персонажей за символический капитал лидерства в либеральном сообществе. Никто из либералов не отрицал наличия национальных особенностей, но каждый из них, прежде всего Кавелин и Чичерин, акцентировали внимание и нюансировали отдельные сюжеты, опираясь на которые и создавали свои концептуальные версии «народнического» и «охранительного» либерализма.

Заметное место в раннем либерализме занимали вопросы настоящего и будущего отечественной промышленности. Общим для всех либералов было представление о слабом развитии этого сектора национальной экономики и необходимости всемерного укрепления в нем института частной собственности. Один из классиков либеральной политэкономии в России середины XIX в. Бабст убеждал: «Предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели»²⁷.

В отличие от поливариантных предложений в сфере обустройства земельных отношений нормативные требования либералов к промышленной и торговой собственности не отличались разнообразием. Самое главное – это создать с помощью государства абсолютные гарантии неприкосновенности и правовой защищенности частной собственности в

---

²⁶ Чичерин. 1899. С. 16.

²⁷ Бабст. 1999. С. 123.

качестве залога будущей успешной экономической модернизации. Другой стимул либералы видели в свободе торговли и промышленности, минимизации внешнего государственного участия в распределении и перераспределении собственности, полагаясь на естественные механизмы конкурентной борьбы. Наконец еще одним условием положительной динамики роста экономики ранние русские либералы считали «обуржуазивание» дворянства, превращение его в крупного торгового и промышленного собственника.

Внешнее единомыслие либеральной среды в вопросах развития частной собственности в промышленности и торговле связано, как ни странно, с разной оценкой ближайших перспектив общественного движения российского социума. Одни либералы (Бабст, Боткин, Чичерин) придавали серьезное значение влиянию городского хозяйства и промышленных центров на экономику и, по мере возможности, разрабатывали либеральную экономическую стратегию. Другие (Кавелин) попросту не участвовали в обсуждении данных проблем, так как скептически относились к гипотетическим достижениям отечественного фабричного производства и крупной торговли, полагаясь исключительно на деревню как единственный источник экономического процветания в России.

«Как бы не развилась у нас фабричная промышленность и торговля, они никогда не создадут у нас такого могучего среднего сословия купцов и фабрикантов и столько же многочисленного безземельного и бездомовного класса фабричных рабочих и пролетариев, в противоположность землевладельческим классам и поземельной собственности, как в Европе»²⁸, – утверждал Кавелин. Поэтому традиционные для него опасения пролетаризации неимущих масс в России вообще не увязывались им с какими-либо процессами в промышленной и торговой сфере.

В целом, ранние русские либералы не подвергали ни малейшему сомнению право человека на приобретение, распоряжение и защиту своей собственности. «Право собственности, право оставлять ее после себя своим детям и близким, есть для огромного большинства людей лучший плод и награда трудов и усилий. Отнимите эти два сильнейших побуждения для деятельности, и одни только избранные будут продолжать трудиться и работать, а большинство не станет ничего делать, упадет в бездействие, в умственную и нравственную апатию»²⁹, – считал Кавелин. Более того, это право составляло основу либерального тезауруса середины XIX века, не только персонально маркировавшее идей-

---

²⁸ Кавелин. 1898. Т. 2. С. 128–129.

²⁹ Там же. С. 112–113.

ную принадлежность мыслителя, но и во многом определявшее всю аксиологию отечественного либерализма.

В раннем русском либерализме на фоне общего интеллектуального консенсуса в трактовке индивидуализма и права собственности нетрудно заметить интерпретационное разнообразие в методике и средствах их адаптации на национальной почве. Среди очевидных причин этой разногласности следует назвать естественные последствия процесса освоения классического либерального наследия европейского образца в неблагоприятных условиях доминирования базовых характеристик традиционного общества. Однако немаловажное значение имели особенности поля производства идей, в котором происходило рождение «харизмы» русской либеральной традиции.

Сюжетные и ситуативные различия в коннотациях индивидуализма и собственности в раннем русском либерализме рождались в конкурентной среде, где еще отсутствовало представление о каноническом национальном арсенале либеральных ценностей и путях их укоренения в России. Позиции одних теоретиков (Кавелин) освящались временем присутствия в круге «избранных» либералов еще со времен западничества 1840-х гг. Другие (Чичерин), в силу более молодого возраста не прошедшие обучения в «школе западников», обозначили свои концептуальные претензии в либеральном сообществе позже, во второй половине следующего десятилетия. Таким образом, разница в идейной социализации отцов-основателей раннего русского либерализма, да еще в период его формирования накануне Великих реформ, стимулировала столкновения и борьбу между ними за авторитет и право аутентичного понимания специфики либерального в России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анненков П. В.* Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799–1826 гг. СПб.: Б.М., 1874.
- Анненков П. В.* Воспоминания и критические очерки. Собрание статей и заметок П. В. Анненкова. 1849–1868 гг. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1877. Отдел первый.
- Бабст И. К.* Избранные труды. М.: Наука, 1999.
- Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1901. Кн. 15.
- Боткин В. П.* Сочинения. СПб.: Журн. «Пантеон лит.», 1893. Т. 3.
- Боткин В. П.* Литературная критика; Публицистика; Письма. М.: Советская Россия, 1984.
- Бурдые П.* Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2005.
- Грановский Т. Н.* Полное собрание сочинений. СПб.: Н. Ф. Мертц, 1905. Т. 1.

Дружинин А. В. Литературная критика. М.: Советская Россия, 1983.

Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988.

Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 2. Классический французский либерализм: Сборник / Пер. с фр. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин.

ОР РГБ. Ф. 334. Чичерин.

Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М.: В типографии Эрнста Барфехта и комп., 1858.

Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М.: В тип. Грачева и комп., 1862.

Чичерин Б. Н. О народном представительстве. М.: Типография товарищества И. Д. Сытина, 1899.

Шнейдер К. И. О некоторых «фобиях» современного отечественного «либераловедения»: начальная история русского либерализма как историографический «фантом» // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения. Т. XVI. М.: Университетская книга, 2009. С. 234–242.

Шнейдер Константин Ильич, кандидат исторических наук, доцент кафедры древней и новой истории России Пермского государственного университета; *kshneyder@yahoo.com*